

В.А. ЛАТЫШЕВА

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Виктория Александровна Латышева - аспирантка Института истории НАН Беларуси. Область научных интересов связана с исторической демографией, синергетикой, методологией истории. Научный руководитель-академик НАН Беларуси М.П. Костюк.

The article studies the publications on demology, demographic statistics of Belarus and its place in the demographic development of the USSR. The author gives special attention to the first general population censuses (in the years of 1897 and 1926) and the demographic problems the Republic of Belarus faces nowadays.

История как наука давно перестала быть монодисциплиной. На ее основе возникли различные направления со своими источниковой базой, методами исследования, понятиями и кругом специалистов. Одним из таких направлений является историческая демография. Началом ее были первые всеобщие переписи населения - российской 1897 г. и всесоюзная 1926 г.

Первый анализ демографической ситуации в СССР, в том числе в БССР, предпринят в публикациях, появившихся после издания материалов переписи 1926 г. (работа Г.И. Горецкого о национальных особенностях населения БССР¹). Уже в начале статьи автор ставит вопрос перед ЦСУ о возможности сопоставления переписей 1897 и 1926 г. и затем дает анализ состава населения БССР 1926 г. по национальности (народности - в переписи) и родному языку. Он отмечает, что удельный вес коренного населения БССР был самым высоким в сравнении с другими республиками СССР - 80,6 %². Рассматривая состав сельского и городского населения, автор заключает, что «нацыянальна-культурная экспансія беларусаў»³ была «досыць прымітыўнай і няглыбокай» и касалась «найбольшы "глухіх" раёнаў, дзе няма чыгунак і значных гарадскіх цэнтраў», а асіміляцыя беларускай нацыянальнасці, асабліва ў гарадах, была інтэнсіўнай, прычым «яе русіфікацыя павялічвалася ў кірунку на усход, галоўным чынам, паўночны і паўднёвы», і весомым называе факт «вельмі глыбокага пашырэння пісьменнасці на беларускай мове» і «больш шпаркага тэмпу беларусізацыі ў буйных гарадах»³.

Г.И. Горецкий был также автором раздела о населении Гомельской губернии в предпринятом в 1926 г. Госпланом БССР издании «Материалы по вопросу районирования Западной области Союза»⁴. На основании оценочного сопоставления доступных ему данных переписей 1897, 1917, 1920 и 1923/24 гг. он делает выводы о том, что 1) перепись 1897 г. не дает полного

* Цитаты приводзяцца з захаваннем орфографіі арыгінала.

представления о национальной структуре населения; 2) переписи 1917 г. и в меньшей степени 1923/24 г. верно отражают действительность, а перепись 1920 г. не фиксирует ее; 3) Речицкий и Гомельский следует считать белорусскими в противоположность другим уездам губернии; 4) Речицкий уезд - земледельческий, редко населенный и со слабым развитием промышленности, Гомельский - наиболее индустриальный; 5) по укладу сельского хозяйства Гомельщина примыкает к Беларуси⁵.

Полноценных публикаций на демографическую тему в последующие пять десятилетий не появлялось. Перепись 1937 г., хотя готовилась и проводилась на научной основе, была объявлена властью «сфальсифицированной». Серьезные открытые исследования в области демографии не отвечали интересам действовавших тогда политических режимов. Приятным исключением, пожалуй, было появление в 1960-1970 гг. двух работ белорусского демографа А.А. Ракова, одна из которых представляла собой попытку в тех условиях комплексного анализа демографической статистики, касающейся БССР, причем в сравнении с зарубежными странами⁶, другая - посвящалась поэтапному раскрытию взаимосвязи демографических процессов в Беларуси⁷.

В 1980-х гг., когда в СССР был взят курс на ускорение социально-экономического развития, возрос интерес к демографическим исследованиям. Интенсификация производства была невозможна без воспроизводства его субъекта (человека) в качестве, соответствующем времени. Система его подготовки не могла не происходить на междисциплинарной основе.

Примечательным стал выход в свет сборника «Демографические проблемы социалистического общества»⁸. В его теоретическом разделе подчеркивалось, что ограничение исследований демографических зависимостей выявлением связи экономических показателей с данными естественного движения населения, его половозрастного состава отрицательно сказывается на глубине познания этих взаимосвязей⁹. Возросла потребность в изучении самовоспроизводства населения как «свойства его текущей жизнедеятельности»¹⁰. Речь шла не просто о повышении общеобразовательного и профессионально-квалификационного уровней, а о непрерывном образовании, постоянной переподготовке кадров, смене занятий, росте общекультурного уровня, улучшении здоровья, развитии сферы обслуживания населения и т. д. Обращено внимание не столько на численность, сколько на «силу населения (степень развития его способностей)»¹¹. Введена категория «качество населения» и поставлена задача раскрытия механизма воспроизводства населения.

Тогда же, в 1980-х гг., была предпринята попытка издания словаря, который бы отразил переход от традиционно узкого (статистического) толкования предмета демографии к широкому, включающему различные аспекты демовоспроизводственного процесса, а также вопросы теоретико-методологического характера. В 1985 г. вышел в свет первый «Демографический энциклопедический словарь», подвергшийся суровой, особенно в части демологии (теории демографии), но конструктивной критике¹². Затем появились словари в 1994 г. и 2003 г.

В книге по демографической истории СССР¹³ важными для нас являются замечания авторов о качестве демографической статистики, в частности текущей регистрации рождений и смертей, ставшей после 1917 г. еще хуже, чем в прежнее время. К моменту образования СССР (конец 1922 г.) вообще не было достоверных данных о численности населения. Только перепись 1926 г. внесла определенную ясность в вопрос о численности и составе населения большой страны. Глава о демографической ситуации в 1920-1926 гг. поучительна методикой корректировки данных половозрастной структуры по

годам и применительно к территории в неизменных границах 1924-1939 гг. При этом в качестве опорной точки авторами были использованы данные переписи 1920 г., несмотря на ее неполноту.

Новым подходом отличается литература, вышедшая в 1990-е и последующие годы. Л.П. Шахотко в сборнике «Комплексный анализ и перспективы развития социально-экономической системы» проявляет озабоченность по поводу катастрофического снижения в республике рождаемости, «уровень которой не обеспечивает простого замещения поколений»¹⁴. Она отмечает, что с 1993 г. в республике происходит депопуляция населения, оно все более «стареет», в том числе и за счет репатриации белорусов из бывших республик СССР, «заколебалась» ценность образования среди современной молодежи.

Н.Г. Никитенко и А.А. Раков создали сбалансированную картину (позитивов и негативов) демографического развития Беларуси на фоне исторических событий за 150 лет. Авторы отмечают, что уже во второй половине XIX в. демографическое развитие Беларуси приобрело новый характер: ускорились темпы роста населения, снизилась смертность, появилась интенсивная миграция из-за аграрного перенаселения. К концу XIX в. население Беларуси в ее современных границах составило 6380 тыс. чел., в том числе городское - 649,5 тыс. (10,2 %)¹⁵.

В монографии названы негативные факторы демографического развития в XX в. Только в 1914-1922 гг. Беларусь потеряла 1,5 млн чел. Естественный прирост населения оставался со знаком минус в 1915-1919 гг., затем он стал повышаться и стабилизировался на уровне 24-25 % в 1923-1926 гг. В 1897-1913 гг. отрицательное сальдо миграции составляло от 0,5 до 0,7 млн чел. Затем значительное число лиц польской национальности переместилось в Польшу¹⁶.

Отмечается, что в целом тенденции демографического развития Беларуси в мирное время XX в. вплоть до 60-70 гг. соответствовали мировым. Последовавшее нарастание негативных явлений привело к систематическому отставанию от развитых стран. Современное состояние авторы характеризуют как демографический кризис. Он рассмотрен ими с достаточной полнотой и убедительностью. В книге предложена система мер в области воспроизводства населения и демографической политики. Заявлено о том, что «повышение качества населения и снижение преждевременной смертности должны стать приоритетной задачей всех служб государства и сил общественности»¹⁷.

Из зарубежной литературы определенный интерес вызывает реферативный сборник «Демографические процессы в СССР, 20-80-е гг.». Некоторые положения, высказанные в нем, созвучны нашим представлениям демографического развития в 1897-1926 гг. Действительно, как отмечают американские исследователи А.Р. Льюис и Н.Р. Роулэнд, этот период отличается известной хаотичностью, поэтому целесообразно в качестве отправной точки собственно исторической демографии брать перепись 1897 г., однако иметь в виду ее принципиальное отличие от переписи 1926 г., пришедшей на время, когда города стали центрами всего процесса модернизации¹⁸.

Наибольший интерес представляют замечания английского исследователя С.Г. Уиткрофта, в частности, о совпадении перехода России к новой модели демографического развития общества и новой социально-экономической формации, а также о влиянии на эту модель демографического кризиса 1914-1920 гг. Примечательным является подчеркивание автором факта сохранения преемственности в работе статистических органов на местном уровне. Несомненно, это удостоверяет объективность добытых тогда статистических данных. В части своей они уже базировались не на церковной, а на гражданской системе регистрации актов состояния населения, достаточно полных в городах.

Важны утверждения С.Г. Уиткрофта о том, что накануне Первой мировой войны в России закономерно (в силу только что начавшегося ее перехода к индустриальной модели демографического развития) наблюдается высокий уровень прироста населения - уровень смертности снижался быстрее уровня рождаемости; смертность в городах была в действительности выше, чем в сельской местности; эмиграция в дореволюционное время имела тенденцию постоянного роста; наибольший дефицит населения относится к периоду 1921-1922 гг., а не к 1918-1919 гг., или к 1920-1921 гг., как это утверждается в ряде других работ¹⁹. Уиткрофт указывает на такую отличительную черту демографического развития в то время, как движение незарегистрированного населения (мобилизованных, военнопленных, беженцев), выделяя его три волны: 1914-1917 гг.; 1917-1920 гг. и 1921-1922 гг. С 1923 г., по его мнению, уже можно говорить о новой модели демографического развития России, переход к которой был нарушен десять лет назад²⁰.

Интерес вызывает книга А. Блюма «Родиться и жить в СССР», второе издание которой вышло в 2005 г. В ней демографическая история, созданная благодаря открытию архивов, противопоставляется советской истории, которая лишь «жонглировала несколькими ключевыми цифрами». Автор объявляет демографию инструментом, позволяющим «вывести нас из лабиринта социальных и национальных описательных категорий, созданных советским дискурсом», «заглянуть внутрь общества», оценить его состояние²¹.

Подходы автора к освещению демографической истории, собственные рассуждения по поводу методов исследования и роли в нем повседневности делают его сторонником синергетической парадигмы. Хотя А. Блюм и склонен идеализировать демографическую историю, объявляя независимость демографической динамики от политической сферы, нельзя не признать его уверенности в том, что эта история действительно помогает понять происходящие в постсоветском пространстве социальные и политические трансформации.

В работе поднимаются самые различные вопросы демографии, стоявшие на протяжении более 100 лет, вплоть до настоящего времени. Среди них - фальсификация и истинная ценность цифр демографической статистики, отношение к ним самих статистиков, тяжелые перипетии («великие потрясения») демографического перехода к низким уровням рождаемости и смертности и при относительной стабильности (этот процесс был слабо связан с глобальными катастрофами и Октябрьской революцией), аборты и сексуальность, браки и семья, жизнь в новом мире (постсоветском).

Относительно демографического развития в конце XIX - первой четверти XX в. в книге подчеркивается, что перепись 1897 г. была проведена «под значительным влиянием Международного статистического института», «ее номенклатура напоминала категории французской переписи 1896 г.», но «приблизиться к рекомендациям Международного статистического института лучше удалось во время следующей всеобщей переписи, которая была осуществлена в СССР в 1926 году», «та ее часть, которая была посвящена занятости, оперировала классическими категориями»²².

Идея ускоренной модернизации СССР, как отмечает автор, оказалась несостоятельной, отвечающая ей политика навязывалась обществу, а общество игнорировало ее, быстрота обретения независимости бывшими советскими республиками подтверждает этот вывод. И еще - семейная история, а не официальная версия развития - зеркало советского прошлого, заставляющего «задуматься о последствиях той логики развития, которая характерна для самой Западной Европы»²³.

Особое внимание привлекают работы крупного польского демографа П. Эберхардта. Можно назвать в известном смысле классической его работу «Geografia ludnosci Rosji» (Warszawa, 2002) - в русском переводе «Гео-

графия населения России» (СПб., 2003)²⁴. Это масштабное исследование охватывает по глубине времени демографические изменения, эволюционные процессы и катаклизмы с XVI в. и вплоть до XXI в. с прогнозом на будущее, а в пространственном отношении все территории, относившиеся как к Киевской Руси и Московскому княжеству, так и к Российской империи и СССР. В поле исследования автор включает проблемы динамики населения, его естественного движения, размещения и перемещения, национальной и социальной структуры, урбанизации и популяции деревни, т. е. все вопросы, составляющие современное понятие собственно исторической демографии. Справедливо считая, что демографические процессы во многом зависят от политических и социально-экономических изменений, П. Эберхардт не раскрывает их внутренних связей, оставаясь верным своему призванию географа.

На фоне названного исследования открывается возможность отчетливо представить особенности демографического развития нашей республики, в чем легко убедиться, обратившись к другому изданию П. Эберхардта - «Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі 1897-1991 гг.»²⁵. Эта интересная, во многих отношениях оригинальная, содержащая различные точки зрения на проблему работа была написана на основе 142 источников и проиллюстрирована картами, схемами, таблицами. Хотя в ней и доминирует польское влияние, работа полезна своим концептуально-методологическим подходом, что настраивает читателя на критический лад и способствует достижению истины.

Определяя по данным переписи 1897 г. численность населения Беларуси относительно современной территории, автор накладывает ее границы на карту того времени и приходит к выводу, что оно составляло 6,5 млн чел., в том числе 4756,8 тыс., или 73,3 % говоривших на белорусском языке. При определении их национальности автор исходил из принципа сочетания данных языковой и религиозной структуры. Однако, комментируя национальную принадлежность населения приграничной полосы с Польшей и Литвой, в которой наблюдалось смешанное разноречие, П. Эберхардт как истинный поляк насчитывает здесь больше поляков и меньше белорусов.

До Первой мировой войны, как убедительно отмечает автор, национальная демография развивалась эволюционным путем, заметно выросло национальное самосознание народных масс, историческим фактом стало белорусское национальное движение. Белорускость проявлялась в языке, фольклоре, культуре. По мнению автора, в канун Первой мировой войны на территории современной Беларуси проживало 8 млн чел., в том числе 5,5 млн белорусов, или 68,7 %²⁶.

С интересом воспринимается материал о переписи 1921 г., проведенной в Западной Беларуси уже польской властью. Стремясь к объективности, П. Эберхардт прежде всего обозначает границы белорусских земель. Однако он непомерно завышает количество поляков за счет белорусов, объясняя это такими причинами, как идентификация себя многими жителями с государственностью, конъюнктурная позиция тех, у кого был низкий уровень национального самосознания, искусственное занижение численности белорусов, что и было (это занижение), на наш взгляд, главным фактором искажения. Вместе с тем с его выводом о том, что в данном случае следует исходить из данных вероисповедания, можно согласиться. На его основе автор поставил под сомнение национальность 300 тыс. (13,4%) лиц не римско-католического вероисповедания.

Достаточно высоко оценивает П. Эберхардт перепись населения СССР 1926 г. Учет языка вместе с национальностью, как он отмечает, дает воз-

возможность осветить важные этнические проблемы, несмотря на имеющиеся в переписи серьезные, по его мнению, различия между языковой и национальной статистикой касательно польского населения. Одновременно автор проанализировал ближайшую к этому времени перепись населения западно-белорусских земель, находившихся в составе Польши (1931). Критически оценивая ее, он подчеркивает необходимость при определении национальности (такой вопрос не ставился переписью) учитывать данные вероисповедания. Это дает возможность, заключает он, сбалансировать состав, т. е. увеличить количество лиц белорусской национальности и уменьшить - польской²⁷.

Суммируя эти показатели и данные переписи 1926 г. с поправкой на увеличение народонаселения советской Беларуси за пять лет, П. Эберхардт дает такую картину национального состава населения на территории Беларуси в ее современных границах: всего населения - 8576,8 тыс. чел., в том числе белорусов - 6124,7 тыс., или 71,5 %, а поляков - 1087,4 тыс., или 12,7 %, не считая лиц других национальностей, занимавших по численности последующие строки в табличном представлении населения²⁸.

Современная демографическая ситуация несет на себе следы демографической истории и в значительной мере, не исключая политического и социально-экономического влияния, определяется закономерностями демографических переходов. В связи с этим глубокое изучение переписей населения, и прежде всего 1897 и 1926 гг., приобретает важное научное и практическое значение, в частности для понимания тенденций демографического развития Беларуси вплоть до настоящего времени.

¹ См.: Гарэцкі Г. Нацыянальныя асаблівасці насельніцтва БССР і беларускага насельніцтва СССР паводле перапісу 1926 году // Палымя. 1929, май.

² Там же. С. 79.

³ Там же. С. 88, 90, 92, 95.

⁴ См.: НАРБ. Ф. 4, Оп. 21. Д. 99. Материалы по вопросу районирования Западной области Союза. Мн., 1926. Вып. 1.

⁵ Там же. С. 2, 16, 24, 25.

⁶ См.: Раков А. А. Население БССР. Мн., 1969.

⁷ См.: Раков А. Белоруссия в демографическом измерении. Мн., 1974.

⁸ Демографические проблемы социалистического общества. М., 1991.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 14.

¹¹ Там же. С. 26.

¹² Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

¹³ См.: Андреев Е. М., Дарский Л. Ш., Хорькова Т. Л. Население Советского Союза, 1922-1999. М., 1993.

¹⁴ Комплексный анализ и перспективы развития социально-экономической системы: Сб. науч. докладов и выступлений. Мн., 2001.

¹⁵ См.: Никитенко Н. Г., Раков А. А. Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития. Мн., 2005. С. 6-8.

¹⁶ Никитенко Н. Г. Указ. соч. С. 13-15, 19.

¹⁷ Там же. С. 25, 74.

¹⁸ Демографические процессы в СССР, 20-80-е гг. М., 1991. С. 29, 25.

¹⁹ Там же. С. 34-35, 39.

²⁰ Там же. С. 43.

²¹ См.: Блюм А. Родиться и жить в СССР. М., 2005.

²² Там же. С. 46.

²³ Там же. С. 158.

²⁴ См.: Эберхардт П. География населения России. СПб., 2003.

²⁵ См.: Эберхардт П. Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі. 1897-1989 / Пер. з польск. Ул. Люкевіча. Берасце, 1997.

²⁶ См.: Там же. С. 44, 68.

²⁷ См.: Там же. С. 90, 109, 123.

²⁸ См.: Там же. С. 125.